

Можно было бы вступить в партию честных людей, но где она?

судьбы

НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

в Америке не бывает. Люди работают, возникает новая субкультура. На глазах, очень быстро происходит Великая Компьютерная революция, и она влияет на сознание людей, на понимание мира, в котором они живут, мира, где нет даже расстояний. По существу мы уже на пороге того пространственно-временного континуума, который так любят фантасты.

- И вам кажется, что Россия отстает?

- Очень сильно. Но потенциал у нее огромный, специалисты в России все еще замечательные. Подводит отсутствие современной технической базы. Недаром миллиардер Сорос, искренне заинтересованный в процветании России, открывает стипендии-гранты и вкладывает в наших компьютерщиков огромные деньги. Такие люди, будучи индивидуальными владельцами множества миллиардов долларов, наделяются чувством геополитической ответственности за судьбу мира, от их решения очень многое зависит на земном шаре, гораздо, кстати, больше, чем что-то зависело от воли монарха той или другой крупной европейской страны лет сто назад. Сорос исповедует идею парности вращающихся систем. По этой теории выпадение России из системы противовесов может деструктивно повлиять на благополучие мира.

- За шесть лет жизни в Америке у вас наверняка появились новый круг общения, новые друзья.

- Я каждый день встречаюсь с десятками человек, это специфика моей нынешней работы. И это превращается в такой калейдоскоп общений, что уже на дружбы, которые в Москве были необходимым условием существования, говоря честно, ни времени, ни сил не остается.

- Это большая потеря?

- Самая большая. И в ней нельзя найти себе никаких утешений. Часть моих друзей в России за последнее время умерли. Причем все - будущи совсем не старыми. Другие болеют. Иные как бы потеряли себя, утратили, слишком силен для них оказался нынешний жизненный прессинг. А в то же время некоторые проделали восхождение к успеху! И это меня очень радует. Но состояние в пол-экватора сильно препятствует дружбе, наше общение носит клочковатый, рваный, визитерский характер. В Америке же все вкладывают столько сил в то, что делают, в достижение своих малых и больших целей, что для душевного дружеского комфорта пространства почти не остается.

- Ходят слухи, что вы пишете новый роман.

- Да, у меня подготовлен новый роман, который никак не могу отшлифовать, завершить. Честно говоря, когда видишь прилавки книжных магазинов, становится как-то боязно, возникает ощущение, что все эти бесчисленные книжки в детективном жанре как бы «закрыли тему».

- Ни за что не поверю, что вас это может отпугнуть.

- Надеюсь - не потеряюсь! Не думаю, что одновременно в России появилось 100-150 хороших писателей. Я читал не все, но то, что попадалось, - чудовищное разрушение всех разумных представлений о художественности, здравом смысле, морали. Видимо, чтобы книжка была замечена и полюблена читателем, нужен не сверхоригинальный сюжет, а рассказ о людях, о том, что их объединяет, руководит их действиями, об их страстях, страданиях, радостях. В России главным предназначением литературы - и самой высокой и не самой - всегда было пастырство. А сегодня все, что я видел, - это относится и к фильмам, и к книжкам - создает ощущение жуткого кровавого винежета. И уже ужасы не ужасают, а страдания не вызывают сострадания. Это в чистом виде такая читательская жвачка. Мы живем в удивительное время. Оно похоже на кинопроектор, который по ошибке включили на пятикратную скорость. Люди договариваются позвонить - и не отзванивают, люди прощаются до вечера и больше не встречаются, люди забывают, что сказали друг другу, не помнят, что такое признательность, разываются с неслыханной легкостью любви. Мир движется быстро, кадры скачут споро. Хотелось бы остановить это мгновение.

- А стоит?

- Стоит. К счастью, всегда есть люди, соблюдающие моральные заповеди, и благодаря им корабль человечества сохраняет равновесие. Он перевернется, когда они откажутся от этого. Но не думаю, что такое может случиться... А иной раз подумываешь: а не плохо было бы создать этукую партию со скромным названием: «Партия честных людей». С очень ясной программой: все ее члены должны быть честными. А вместо устава - десять Заповедей. По моему, потребность в такой партии в России уже назрела. Плохо только, что в наших условиях пока бы честные люди искали друг друга, расторопные жульманы, проходимцы, убийцы и воры быстро бы порасхватили места членом ЦК, президиума и прочих руководителей. И вот они бы и стали следы за подбором кадров. Грустно. Людям с твердой нравственной системой сегодня в России трудно. Трудно, когда вокруг торжествует зло во всех своих малосимпатичных проявлениях. В такой обстановке честный человек порой выглядит как бы глупо.

- Расскажите хотя бы коротко о газете «Новое русское слово», которое вы сейчас возглавляете.

- Это самая старая русская газета в мире, выходит с 1910 года. Она была создана эмигрантами-социалистами как свободный голос против российского самодержавия. И потом она всегда оставалась в оппо-

зиции к российскому тоталитаризму. По мере успеха социализма она утрачивала социалистическую ориентацию. Много десятилетий была рупором эмиграции, стояла на яростных антисоветских позициях, потому что всегда говорила правду. «НРС» имеет необычайно широкий диапазон авторов. Среди них были, например, Александр Федорович Керенский и Лев Давыдович Троцкий. С ней сотрудничали в течение десятилетий многие нобелевские лауреаты, от Бунина до Бродского. До сих пор «НРС» - единственная в США ежедневная русскоязычная газета, источник неиссякаемой политической, социальной, экономической информации. В то же время она выполняет функцию, которую у нас в предыдущие десятилетия выполняли толстые журналы, то есть несет в себе приметы литературно-художественного и публицистического альманаха. При всем том газета должна отвечать на специфические вопросы своих читателей, которые сильно отличаются от традиционных американцев. У газеты устойчивый и весьма обширный круг читателей. Она стремится удовлетворить интересы всех культурных, политических, религиозных конфессий эмигрантов. Поэтому мы - независимое издание, никогда не получаем никаких правительственных субсидий, дотаций и предоставляем слово каждому человеку с его системой политических и социальных воззрений, кроме, конечно, защитников фашистской и любой тоталитарной идеологии. Возможно, это одно из условий успешности нашей газеты.

- В «Новом русском слове» идет дискуссия о необходимости создания русской общины в Соединенных Штатах.

- Российская эмиграция сегодня - самая динамичная и самая материально обеспеченная из всех этнических групп в Америке.

Она уверенно инсталлировалась, вписалась в американское общество. По неофициальным данным, сейчас в Америке проживает более двух миллионов выходцев из России. Русская эмиграция дала своих миллионеров, крупных бизнесменов, врачей, адвокатов, профессуру. Американский университет, не имеющий русского профессора математики, - это моветон. И при этом русская эмиграция не имеет ни единого национального, этнического представительства в каких-то государственных или общественных структурах. Дело в том, что наши эмигранты никак не могут между собой договориться и объединиться. Очень плохо между собой соотносятся разные «волны» эмиграции. Представители первой послесоветской эмиграции не признают приехавших в последние десятилетия. Среднее поколение так старалось преуспеть в жизни, что ему просто некогда было думать о каких-то общественно-политических вопросах. А в последних волнах эмиграции наматилось противостояние между теми, кто приехал чуть раньше и успел встать на ноги, и теми, кто приехал только что и обретається в трудных условиях. Эти, последние, утратив привычный круг обитания, социальный имидж, потеряв свою общественную значимость, ощущают свою второсортность. Наша газета по мере сил им помогает. Сменив среду обитания, они во многом остаются теми же, что были дома. По-прежнему, скажем, в лучших советских традициях, пишут жалобы на плохую работу их домоуправов (здесь они называются супервайзерами), просят, чтобы редакция приняла меры, когда русское телевидение плохо справляется с установкой антенн, и тому подобное... Бывают и случаи произвола властей, вплоть до избивания в полиции. Тут уж, конечно, вмешиваемся сразу.

- Вы выступили с инициативой сохранения культуры русской эмиграции, написали большую статью по этому поводу. Как развивается проект, какие у него перспективы?

- Да, я обратился к редакторам крупных российских газет с призывом о восстановлении культурного наследия, созданного за рубежами СССР и России за 80 лет. Необходимо, чтобы читатели, зрители, ценители в России имели возможность познакомиться с этим огромным пластом культуры. Наверное, «творческая продукция» такого плана не очень будет интересна уличным лоточникам, но она нужна бесчисленным тысячам тех, кому небезразлична судьба русской культуры. Это большой, масштабный, дорогой проект, но он того стоит.

- Вам приходилось сталкиваться с русской мафией в Америке?

- У меня, конечно, есть знакомые, мало похожие на профессоров Гарварда. Но я не возьмусь утверждать, что именно они мафиози. Хотя тут важно внести ясность: русской мафии в прямом смысле этого слова в Америке не существует.

- В России то и дело слышишь, что Америка чуть ли не стонет от наших мафиози.

- Сильное преувеличение журналистов и политиков. Обязательное условие существования мафии - это проникновение организованной преступности на этажи законодательной, исполнительной и судебной власти. Русская организованная преступность в Америке есть. Она ужасна тем, что и в Америке, и в России делает человека беззащитным перед лицом произвола. Трагично, когда люди, которые должны по роду своей деятельности защищать простого человека, оказываются купленными, работают на преступников. В Америке русская преступность пока еще слишком молода, но шустрят очень бойко и никого не боится. Настоящей мафией они станут не скоро.

- А «Новому русскому слову» «крыша» нужна?

- Нет. Мы слишком значительное и заметное явление в американской жизни. «Без крыши» трудно тем, кто занимается повседневным небольшим бизнесом.

- Вы приезжаете в Россию примерно раз в четыре месяца. Ваши самые яркие впечатления.

- Каждые четыре месяца я приезжаю в новую страну. В которой мало что изменилось.

Беседу вела
Ольга ОРЛОВА.

Шесть лет назад я поехал работать по контракту в Америку. И ничуть о том не жалею. Я хотел, чтобы мои дети получили настоящее образование, а в армейском стройбате его, согласитесь, не получишь. Надо было вырваться из пут кошмарных предрассудков, которые складывались если не веками, то десятилетиями. Служба в армии считалась священным гражданским долгом. Но этот святой постулат странным образом обернулся прямым разрушением национального богатства, разрыванием интеллектуального капитала страны. Выяснилось, что никаких войн мы за последние полвека не выигрывали, мало того - нам, оказывается, никто и не угрожал. А вся пропаганда - это только грязные политиканские игры, приведшие к ограблению народа в физическом и экономическом смысле, к его нравственному закабалению. Не удивляйтесь, пожалуйста, что я стал постепенно принципиальным противником всеобщей и обязательной военной службы, кроме случаев, когда возникает реальная угроза твоему народу, твоему дому, твоей семье.

- Понятно, что вы, имея двух талантливых сыновей, не хотели отпускать их маршировать. Костя слыл у нас в школе гением (мы учились в одной московской школе), а Стасик - он, кажется, года на полтора старше - закончил десятый класс с медалью. В Штатах их способности подтвердились?

- Костя в середине десятого класса прошел по конкурсу на второй курс Нью-Йоркского университета. Первую половину своего обучения там он занимался несколько лениво, но получил параллельно еще одно образование, философское. Такую вольную жизнь он мог себе позволить за счет российской, советской системы среднего образования, которая гораздо эффективнее американской - в этом я абсолютно уверен. Американская система направлена не столько на получение знаний, сколько на воспитание свободной независимой личности. Высокоэффективная экономическая система Соединенных Штатов позволяет из каждой новой молодой генерации отфильтровать тех, кто действительно хочет и может учиться. Они получают отнюдь не сильную образовательную базу в виде двенадцатилетнего школьного курса, но потом поступают в колледж, где в течение четырех лет формируют круг своих культурных и профессиональных интересов. Затем каждый, кто хочет стать специалистом, идет на высшую ступень университета и там уже становится действительно высочайшим профессионалом, способным двигать вперед научно-технический и социальный прогресс.

Поэтому наши отличники - реальные, а не блатные - приезжая после школы в Америку, поражают американских преподавателей уровнем и качеством своей подготовки.

Костя получил степень магистра в компьютерных науках в 21 год. А Стасик окончил школу Альберта Эйнштейна, одну из лучших медицинских школ США, и в прошлом году получил диплом доктора. Чтобы стать настоящим специалистом самой низшей ступени, ему предстоит еще три года совершенствоваться как резидентом. А чтобы стать профессионалом-мэтром, надо после этого учиться еще три года. Подсчитано, что путь к врачебным лаврам - от первого класса школы до диплома профессионала высшего класса - занимает в общей сложности 25 лет.

- Какой ужас!

- Система эта чудовищно сложна и жестока по отношению к учащимся. Стасик уже практикует, он работает в очень хорошем госпитале в отделении кардиологической реанимации. У врача-резидента рабочая неделя по контракту составляет восемьдесят четыре часа. То есть семь дней в неделю по 12 часов. И еще ни разу не было случая, чтобы он ушел домой вовремя.

- А жить когда?

- После двадцати пяти лет учебы. Можно, конечно, прямо сейчас поехать куда-то в глубинку и стать сельским доктором. Но те, кто хочет заниматься развитием медицинской науки, своим личным врачебным творчеством, должны все это одолеть.

- Когда вы уезжали, ваша младшая дочка была совсем ребенком. Чем она занимается сейчас?

- Аня учится в Нью-Йоркском университете, в институте прикладного дизайна. Собирается через два года закончить и стать компьютерным дизайнером. Но в Америке меняют профессии гораздо чаще, чем здесь, охотно переучиваются...

- За шесть лет ребята, наверное, стали настоящими американцами.

- Они полностью «вписались» в общественную, человеческую структуру, говорят по-английски не хуже, чем по-русски. Но по своим реакциям, взглядам, интересам, вкусам, наклонностям остаются все равно россиянами. Можно на этом примере видеть, как происходит взаимопроникновение идеологий, культур, человеческих связей. Тот самый процесс конвергенции, которым так нас пугали коммунистические идеологии, оказался живым и плодотворным. Оба народа обогащаются.

- Как вы сами относитесь к тому, что дети так напряженно работают? Вам их не жалко?

- Миллионы американцев в утренней молитве просят Бога о двух вещах: дай нам здоровья и работы. В общем-то, этого достаточно, чтобы жизнь твоя была насыщенной-полной. А для всякого молодого человека, преобладающего в стадии восхождения, самосовершенствования, становления себя как творческой личности, профессионала двенадцатичасовой рабочий день просто необходим. Это я думаю, что с годами у людей так уж сильно прибавляется мудрости. Все-таки все лучшее, самое яркое и замечательное в своей жизни человек совершает в молодости. Когда реакции острые, а взгляд, хоть и затуманен страстями, но открыт всему новому. Глупо было бы все сводить к погоне за заработком. Это прежде всего стремление обрести свое место в жизни. Когда вечером, часов в десять едешь по Манхэттену в его деловой части, громадное количество окон в сорока-шестидесятиэтажных небоскребах светятся. И это не значит, что там забыли выключить свет, так